

А.Л. ЕМЕЛЬЯНОВ

ИМИТАЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: АФРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ

“Дьявол кроется в деталях” – эта фраза удачно характеризует многочисленные дискуссии о конкретных проявлениях демократии в тех или иных странах. В представлении автора, демократия – существующий в настоящее время этап развития еврохристианской¹ цивилизации. В ее основе лежит представление об индивидууме как минимальной ячейке человеческого коллектива, что закреплено в законодательстве, образе жизни, менталитете и т.д. представителей еврохристианской цивилизации.

Демократия – не набор элементов, которые могут существовать независимо друг от друга, а цельная сложносочиненная и сложноподчиненная система. Более того, при исчезновении любого структурообразующего элемента разрушается и сама система. Воспроизвести нечто подобное не удалось за пределами доминирования белого человека. Именно поэтому все те политические системы и образ жизни больших человеческих коллективов, стремящихся воспроизводить отдельные элементы еврохристианской цивилизации, я называю “имитационной демократией”, не вкладывая в этот термин никакого оценочного смысла.

Одним из основных элементов еврохристианского общества является потребление, которое превратилось в образ жизни человека и заменило ему основные нравственные и религиозные ценности. Оно является своеобразной компенсацией за высокую производительность труда, новой “этикой”, связывающей отдельных людей. В свою очередь современное высокотехнологичное производство невозможно без научного знания. Оно базируется на высоком уровне школьного и университетского образования. Качество жизни и комфортное существование обеспечивает развитая медицина, которая является порождением образования, науки и технологии. Движущей силой, мотором всего этого сложнейшего механизма является конкуренция, децентрализация политической и экономической жизни, без которой невозможно существование современных национальных государств. Все это цементирует структурообразующая роль закона как способа защиты частной собственности и мирного разрешения любых споров.

Минимальной ячейкой африканского² общества является “мы”. Это могут быть как светские человеческие коллективы (семья, род, клан, община, деревня, землячество и т.д.), так и религиозные (приход, монастырь, афрохристианские организации, братства, секты и т.д.). Африканское общество рассматривает ребенка с его рождения как единицу, относящуюся к определенной социальной группе, сословию, касте, корпорации и т.д. Этот фактор является структурообразующим.

Емельянов Андрей Львович – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ.

¹ В это понятие автор включает весь ареал доминирования белого человека, исповедующего католицизм или различные формы протестантизма.

² Под “Африкой” автор подразумевает Африку южнее Сахары, исключая Южно-Африканскую Республику, которая с начала XX в. принципиально отличается от других регионов Черного континента.

В своих базовых компонентах африканское общество ничем не отличается от любого другого. Люди также хотят есть, пить, спать, любить, заводить семью, детей, обеспечивать их всем необходимым, быть здоровыми, успешными, счастливыми и т.д. Разумеется, есть и отличия, и весьма существенные, которые позволяют говорить об африканском обществе в противовес любому другому.

Изучением политического процесса и политических структур обычно занимается политология в рамках сложившейся в этой науке методологии и понятийного аппарата. Они вырабатывались в процессе изучения Северной Америки и Западной Европы. Поэтому, столкнувшись со специфическим восточным материалом, политология была вынуждена отойти от некоторых устоявшихся понятий и догм. В африканских реалиях многие схемы просто не работают. Политологический подход прежде всего направлен на сравнение с еврохристианским стандартом. Его можно назвать “синхронным”. Он рассматривает политические процессы в реальном времени. В рамках исторического подхода изучается конкретное общество, учитывая его связи с прошлым, влияние традиций, религии, менталитета человеческого коллектива. Его можно назвать “диахронным”. Глупо упрекать Александра Македонского за отсутствие интереса к гражданскому обществу или Петра Великого за непарламентские формы работы с оппозицией. История, как и культура, не знает прогресса, а лишь движение, изменение. Политология описывает и анализирует политические структуры и процессы (иногда подменяя научное исследование моральным осуждением), история раскрывает их сущность, показывает неразрывность и преемственность. Для политологии весь мир – единое целое, поэтому в Африке должны действовать те же самые закономерности, что и в еврохристианских государствах, для истории – каждая цивилизация уникальна и неповторима.

Необходимо не только попытаться объяснить механизм действия этой имитационной демократии, но и рассмотреть причины происхождения африканского варианта этого явления. Иначе можно попасть в ловушку формального анализа, что характерно для многих политологов, плохо знающих африканские реалии.

Последние десятилетия Африка находится в состоянии системного кризиса, в значительной степени обусловленного тем, что вхождение в единый мир застало Африку в период перехода от традиционного к современному обществу, когда “старое” уже частично разрушено, но еще относительно влиятельно, чтобы не дать “новому” уничтожить себя. В результате население континента оказалось в ситуации, когда его потребности в значительной степени превышают экономические возможности государства. Африканцы со своими патерналистскими, патронатно-клиентельными, коллективистскими, трайбалистскими представлениями оказались в обществе, где структурообразующими понятиями являются деньги, индивидуализм, возможность любому занять любую ступень в иерархии власти, безудержное обогащение и бездумное потребление, не связанные никакими этическими, моральными и религиозными нормами.

К субъективным причинам кризиса относится плохое управление государством и экономикой, которые стали самовоспроизводящимся структурообразующим элементом общества, характерным для всех африканских стран. К историческим причинам можно отнести длительное изолированное существование континента, последствия евро-американской работорговли, превращавшей естественный ход развития государств и народов, негативные последствия векового колониального господства.

К цивилизационным – особенности менталитета африканцев, например их тотальное недоверие ко всем нововведениям. Они не использовали, даже в контактных зонах, колесо, плуг, вьючных животных, обработанный камень, за 2 тыс. лет до начала активных контактов с Европой не произошло сколько-нибудь серьезных улучшений в агротехнике. На континенте отсутствует доминирующая религия, а смесь элементов ислама, христианства с традиционными верованиями является дезинтегрирующим фактором, в отличие от объединяющей роли мировых религий в других цивилизациях.

После силового волюнтаристского решения о предоставлении независимости привнесенные метрополиями политические институты (разделение властей, парламентаризм, прямое всеобщее и тайное голосование и т.д.) не имели достаточно времени для внедрения и закрепления в сознании широких африканских масс. Лишенные контролирующей и направляющей силы в виде европейской администрации, демократические структуры быстро синтезировались с африканскими традициями³, которые наполнили их новым содержанием: уравнительность, трайбализм, геронтократия, клановость, клиентелизм, отсутствие толерантности. Синтез авторитарного и демократического, традиционного и современного стал одной из характерных черт политической культуры Африки.

В условиях тотальной бедности населения, этноконфессиональных противоречий, постоянных военных переворотов, территориального распада и борьбы за власть между различными группировками повсюду сформировались однопартийные системы и утвердились авторитарные и тоталитарные режимы. Они рассматривались не как временное отклонение от универсальных норм, а как их адаптация к африканским реалиям. Авторитарный режим, с точки зрения его сторонников, – гарант внутривнутриполитической стабильности и единственное средство для противостояния трайбализму, а однопартийная система сможет лучше обеспечить единство полиэтнической, многоконфессиональной страны и успешнее решит проблемы развития.

Сразу же после обретения независимости экономическая и политическая власти не всегда совпадали. Вскоре они начали все более тесно переплетаться, появилась широко распространенная практика конвертации власти в богатство и наоборот на всех этапах административной иерархии. Новая элита получила возможность безнаказанно присваивать государственные средства. В африканских государствах деньги практически беспрепятственно конвертируются во власть и наоборот. Таким образом, была создана малочисленная, но влиятельная прослойка, спаянная боязнью потери власти, что было во многих случаях равнозначно утрате не только имущества, но даже жизни. В еврохристианской цивилизации прямой контакт денег и власти амортизируется общественными и неправительственными организациями, профсоюзами, медиаструктурами, официальным лоббизмом и т.д.

В постколониальной Африке было трудно отделить экономику от политики, они были встроены друг в друга. Процессы производства, потребления и обмена опосредованы отношениями родства, пола, возраста, разнообразными ритуалами и верованиями. Невозможно дать однозначный ответ в рамках всего Черного континента, является ли политическое устройство следствием сложившейся экономической системы или наоборот. От классической рыночной экономики африканскую отличают неконкурентный тип поведения, стремление к торговой монополии путем сговора или внеэкономического уничтожения конкурента, ставка на спекулятивную сверхприбыль. Системное расхищение общественных ресурсов происходит через государственные компании и правительственные организации. Упор делается не на производственную деятельность, а на торгово-ростовщические и спекулятивно-посреднические операции. Тесная зависимость от коррумпированной власти определила не только отсутствие рыночной культуры и деловой этики, но и утрату какой-либо культуры и этики вообще. Африка весьма схожа с Латинской Америкой, где уже 200 лет существует подобный “рынок” и 200 лет ему сопутствуют слаборазвитость, нищета, вопиющие социальные антагонизмы, разгул преступности и терроризма.

Обретение независимости оставило немногочисленную современную интеллектуальную элиту лицом к лицу с преимущественно традиционным обществом, с точки зрения которого демократические избирательные процедуры не обладали достаточной легитимностью. Кризис модели “государства-нации”, бывшей продуктом опре-

³ После обретения независимости в понятие “традиционный” входят и элементы колониальных политических структур, которые в своем подавляющем большинстве не соответствовали стандартам еврохристианской цивилизации.

деленного этапа развития еврохристианской цивилизации, проявился в большинстве стран Африки. Навязанные метрополиями политические системы и структуры не соответствовали желаниям и чаяниям больших человеческих коллективов. На Черном континенте, даже в мононациональных и моноконфессиональных странах (например, Бурунди, Руанда, Сомали) не сложилось этническое единство в еврохристианском понимании этого термина. Различные народы, этноконфессиональные группы, кланы и т.д. оказались в рамках искусственно созданных метрополиями колоний. Затем они превратились в независимые государства, жители которых не осознают себя единым целым, не имеют и не пытаются найти общее в прошлом.

У больших человеческих коллективов отсутствует историческая память в еврохристианском понимании этого термина, ее можно назвать “генеалогической”, что было характерно для любых традиционных обществ. Среднестатистический африканец знает своих близких и дальних родственников на протяжении нескольких поколений. Подобный тип исторической памяти поддерживает этноконфессиональную солидарность и сплоченность. Никто не воспринимает Африку в целом, и свое государство как страну с преемственностью развития в частности. На Черном континенте отсутствует национально-государственная идентичность – психологическая самоассоциация личности с реальными или мифологизированными событиями общего прошлого. К тому, что было до обретения независимости, большие человеческие коллективы и значительная часть интеллектуальной элиты относятся как к “археологии”, не имеющей никакого отношения к современному состоянию общества и государства.

К середине 80-х годов XX в. стала очевидной неспособность государства предоставлять широкий набор ожидаемых от него населением социальных услуг, включая образование и здравоохранение. Положение ухудшалось усиливающимся экономическим кризисом, ограниченностью валютных и материальных ресурсов. Многие государства оказались неспособными не только выполнять свои финансовые обязательства, но даже и обслуживать их, т.е. выплачивать проценты. Еврохристианские страны-доноры предложили новую стратегию развития, которая была ориентирована на складывающуюся в мире глобальную модель развития. Политико-экономические цели структурной перестройки были названы достаточно прагматично – сохранить континент в системе глобального рынка в качестве его ресурсно-сырьевой составляющей и снизить для стран-доноров постоянную и все возрастающую помощь региону. Инструментом реализации программ новой стратегии развития стали Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития.

Неолиберальные реформы предполагали примат частнопредпринимательской деятельности, минимизацию роли государства в регулировании экономики, создание механизма свободной конкуренции, сокращение государственных расходов, уменьшение импорта, девальвацию национальной валюты, соответствующую корректировку внутренних цен и полную либерализацию внешнеэкономической деятельности. Все это неизбежно усилило болезненность таких мер для большинства населения. Социальные издержки экономических перемен прямо или косвенно повлияли на деградацию здравоохранения и образования, снижение реальных доходов населения, рост безработицы и т.д. Непременным условием структурной перестройки являлось создание демократической правовой системы государственного управления на основе соблюдения прав и свобод человека, многопартийных выборов, разделения властей и т.д.

Но международные финансовые организации не учли, что для традиционного, по преимуществу, населения Африки “государство” не сводилось исключительно к “политическим институтам”. Черный континент не смог избежать расщепления модернизации на две относительно независимых друг от друга составляющих: преобразование экономики, политических систем, государственного устройства, с одной стороны, и духовной жизни (в конкретно-исторических реалиях – религии) и менталитета – с другой. Скорость и глубина изменений в каждой из них в недостаточной степени коррелировалась. Это привело к серьезным диспропорциям в больших человеческих коллективах и вызвало дезинтеграцию общества. Трансформация глубинных ценнос-

тей, ликвидация рудиментов архаического сознания не может произойти мгновенно. В результате “мотор” экономики обернулся ее “тормозом”. Резко сократился среднедушевой доход, непреодолимым стал барьер между самыми богатыми и подавляющим большинством населения, углубилась социальная дезинтеграция, тесно связанная с деградацией традиционных обычаев и нравов, особенно в крупных городах. Властные элиты и тесно связанные с ними предприниматели и интеллигенция полностью оторвались от нужд больших человеческих коллективов и стали ориентироваться на еврохристианские стандарты жизни. Системы здравоохранения и обучения, потеряв государственную поддержку, впали в перманентный кризис, резко возросла роль неформальной экономики, произошла ее смычка с государственными чиновниками, и не только на местах.

К процессам модернизации в целом, и приватизации в частности, африканское общество было не готово. Институциональные нововведения, порожденные качественно иной политической и экономической средой, в африканских странах либо отторгались, либо реализовывались частично, либо, сохраняя еврохристианскую оболочку, наполнялись местным содержанием. Иностраный капитал и технологии вместо того, чтобы способствовать экономическому развитию, оказали негативное влияние на производящие отрасли экономики. Структурные преобразования не привели к исчезновению традиционных политических и социальных институтов, как это было в еврохристианской цивилизации аналогичного периода (индустриализация).

В результате перераспределения собственности появилось сообщество бизнесменов во власти и политиков-предпринимателей, полностью коррумпировавших все стороны жизни. Оно, создав свою политическую систему, общественные организации и иные структуры, завершило создание имитационной демократической структуры, замкнутой саму на себя. В ней интересы правящей элиты не совпадают, а чаще всего противоречат надеждам и чаяниям больших человеческих коллективов, мелкого и среднего бизнеса. Подобные явления наблюдались и до вмешательства МВФ, но только после него негативные процессы превратились в структурообразующие элементы повседневной жизни.

К концу 1990-х годов стал очевидным провал неолиберальных мер по структурному преобразованию экономики. Страны континента, как правило, оказались не в состоянии создать производящую экономику. В ней разрушался традиционный тип хозяйства, прежде всего в деревне, а города и зоны развития современного общества были неспособны предоставить работу для всех. Сохранился рентный, а не промышленный тип экономики. В этих условиях усилились бедность и голод. Это были вынуждены признать руководители МВФ. Структурные изменения, не учитывавшие африканские реалии, привели во многих государствах к неустойчивости политической системы, фрагментации общества, нанесли серьезный удар по стабильности и управляемости большинства стран. Процессы дезатизации, политическая либерализация, обернувшаяся институционализацией этно-конфессионального и регионального сепаратизма, стимулировали конфликтогенные тенденции и завершились в ряде случаев распадом государства.

Самые далеко идущие последствия, помимо очевидных экономических издержек, политического ущерба (которые могут быть хотя бы приблизительно подсчитаны и оценены), имели изменение менталитета больших человеческих коллективов. В представлении простых африканцев фундаментальные положения еврохристианской цивилизации – демократия, рыночная экономика, права человека, либеральное законодательство, свобода передвижения, плюрализм мнений и многое другое – еще долгое время будут ассоциироваться с нищетой, уменьшением реальных доходов, невозможностью воспользоваться квалифицированной медицинской помощью, дать ребенку достойное образование и т.д.

Еще одним последствием экономических преобразований в Африке стало катастрофическое падение межличностного доверия. Одна из самых значимых составляющих реальной экономики – психология принятия экономических решений. Без до-

верия рыночные отношения не заработают. В Африке рыночное, в еврохристианском понимании этого термина, поведение пришлось навязывать сверху. А такие привычки проникают в глубь общества и укореняются медленно, процесс может занять не одно поколение. Политическая культура и рыночное поведение должны появляться снизу, как естественный продукт экономических преобразований.

Структурный кризис стал питательной почвой деформации общественной морали. Быстро исчезло свойственное африканцам уважение к власти всех уровней. Естественные нормы поведения здорового общества подменялись, с одной стороны, неразборчивостью в выборе средств и способов борьбы за физическое выживание, а с другой – бесчестностью и воровской “моралью” властных структур. Низкому уровню профессиональной компетентности кадров, призванных разрабатывать и проводить региональную политику, сопутствует коррупция и расхищение национального достояния.

То, что происходит на Африканском континенте, в естественных науках называется инверсией. Этот термин обозначает явления, обладающие парадоксальной логикой. В Африке под давлением инноваций, не санкционированных данной культурой, произошло резкое, внезапное обвальное переворачивание, перестановка господствующего типа ценностей и смыслов. Необычной здесь прежде всего является логика исторических изменений – она парадоксальна. Распространение модернизации не ослабило, а усилило значение и роль традиционных ценностей. Ее радикальный вариант привел к усилению остатков традиционного общества, стремление немедленно превратить африканцев в черных европейцев – к оживлению глубоко лежащих архаических начал, демократизация – к авторитарному порядку, навязывание рынка – к неформальной экономике, которая не является ни рыночной, ни государственно регулируемой. Традиционные институты поддерживаются не только потому, что это романтические реликвии прошлого, но и потому, что они отвечают запросам больших человеческих коллективов.

Ни структурные реформы, ни насильственное внедрение демократии пока не изменили структурообразующие элементы африканского общества. Демократически избранные на многопартийной основе режимы продолжают управлять теми же методами, что и авторитарные однопартийные, результаты выборов контролируются, искажаются и фальсифицируются в пользу того или иного кандидата. В Африке XXI в. политическая либерализация имеет в основном вынужденный имитационный характер, явившийся результатом не столько внутреннего развития, сколько требованиями государств-доноров, обуславливающих экономическую помощь наличием еврохристианских институтов.

Сложившаяся в Африке политическая система достигла стадии самовоспроизводства, игнорируя традиционные и современные устои. Она имитирует исполнение интересов граждан и общества уже на протяжении четверти века. Переход к имитационной демократии в африканских государствах прошел бесконфликтно, большинство из них приняло европейские по форме политические системы и структуры. В Африке власть переродилась, стала субъектом влияния, а общество, граждане и бизнес – объектами воздействия. Изменилась не только ментальность чиновников всех ветвей и уровней власти, но и законодательно-правовая, нормативная, регламентная база. Исполнительная власть стала монополистом, принимающим безальтернативные решения, имеющая неограниченные права, чрезвычайно размытые обязанности и полное отсутствие ответственности. При этом подавляющее большинство африканцев расценивают разделение на независимые друг от друга исполнительную, законодательную и судебную власти как препятствие на пути эффективной деятельности государства.

Неподконтрольность порождает непрофессионализм чиновников-управленцев, узурпацию ими бизнеса и подмену интересов общества и граждан личными и патронатно-клиентельными интересами. Подобная имитационная система не эффективна ни в экономическом и социальном плане, ни в сфере безопасности. Ее основная зада-

ча – распределение большей части государственных средств по всей вертикали власти и всем связанным с ней предпринимателям.

Сами африканцы под демократией часто понимают смягченную форму авторитаризма. Они считают ее адекватной потребностям африканского общества, разделенного социальными противоречиями так, что каждая сторона выступает одновременно в роли эксплуататора и в роли эксплуатируемого. Тем не менее африканские государства, внутренне нестабильные с точки зрения еврохристианской цивилизации, обладающие слабыми политическими институтами и несовершенным руководством, смогли не только выжить, но и в ряде случаев укрепиться в системе международных отношений, сформированной значительно более сильными странами. Это свидетельствует не только об умении большинства африканских руководителей балансировать на краю пропасти, что, даже теоретически, невозможно в течение полувека, но и наличием эффективных механизмов, позволяющих им выживать.

В государствах всеми законными, и не только, методами ограничивается и подавляется деятельность политической оппозиции. В полиэтнических, многоконфессиональных государствах элиты предпочитают договариваться, затем оформлять соглашения путем всеобщих, демократических и прямых выборов. Если предварительного соглашения по каким-либо причинам не достигнуто, то после объявления результатов голосования часто начинаются вооруженные столкновения, которые все равно заканчиваются договоренностями.

Частная собственность и в XXI в. не стала структурообразующим элементом африканской экономики. Ее насильственное внедрение будет эффективно только при независимой и результативной работе судебной системы. Она, в свою очередь, невозможна без создания демократической политической системы, которая может существовать, только опираясь на частную собственность. То, что создать подобную систему возможно, показывает опыт ряда азиатских стран. Но как в практическом плане действовать на Африканском континенте – не знает никто.

Вместо ожидаемого становления местного предпринимательства и его политических организаций, способных существенно влиять на развитие рыночной экономики и укрепление демократических основ государства, многопартийность обернулась по преимуществу политической институционализацией этнических, региональных и конфессиональных групп. Сохранение авторитарной сути в имитационно демократической форме лишь стимулировало борьбу оппозиционных элитных групп за передел власти и собственности в свою пользу. В ряде государств региона, демонстрирующих наиболее высокие темпы экономического развития, рост сочетается с усилением позиций государства в экономике, что закономерно ведет к укреплению правящих групп и сохранению патронатно-клиентельных отношений.

Еще одним принципиальным отличием современного и африканского обществ является отношение к земле. Для традиционного общества характерна коллективная форма собственности, для еврохристианского – частная. В Африке по-прежнему доминирует представление о праве на землю человеческого коллектива, приоритета общего блага и признания общей собственности. Даже если государство на законодательном уровне вводит частную собственность, то из-за менталитета африканцев она не приобретает структурообразующий характер и остается чуждой для большинства населения или же существует “параллельно” в виде крупных товарных хозяйств, ориентированных на экспорт.

Заемствованные у стран Запада национально-государственные формы адаптировались к реальному состоянию местных обществ, к авторитарной политической культуре и традициям. Любая африканская колония по существу являлась (даже в период, непосредственно предшествующий обретению независимости) конгломератом слабо или даже вовсе не связанных между собой административных единиц. Сложившееся под воздействием этих факторов африканское государство по-прежнему представляет собой различные модификации персоналистской власти, олицетворяющей скрытое, а реже открытое доминирование сил этноконфессионального характера, что не смогло

стать адекватным инструментом формирования нации. Между государством и реальным обществом недостаточно сцеплений и много противоречий, так как демократические политические институты соответствуют только интересам элит. Рядовой африканец не понимает их сути и места в обществе и потому опасается и отторгает их.

Разрыв между формой политических институтов и характером общества, в которых они существуют, позволяет современному африканскому государству быть неподконтрольным большим человеческим коллективам, неподвластным его механизмам воздействия, включая общественное мнение. Степень самостоятельности правящих элит оказывается достаточной для того, чтобы использовать властные структуры в корпоративных и личных целях. С этой целью они трансформируют общественные институты, насаждают выгодные себе экономические модели, социокультурные нормы и идеологические системы.

Сложившаяся политическая система порождает еще один африканский феномен. Никто в подавляющем большинстве стран Африки не сможет осуществлять крупный или средний бизнес без получения неформальных разрешений со стороны политического руководства, чиновников всех уровней, силовых структур. А на “земле” предпринимательская деятельность невозможна без согласия традиционных властей, криминальных структур, тайных обществ и т.д. В результате искажается один из структурообразующих институтов еврохристианской цивилизации – деньги, капитал. На Черном континенте они без “разрешения” могут быть только “предметом престижного потребления”.

Появившиеся к концу XX в. предпринимательские слои также значительно отличаются от близких к ним еврохристианских типологически схожего периода развития. Классический путь их формирования – снизу, они стали основной силой, противостоящей традиционным государственным и политическим структурам. Для расширения своей деятельности, а, следовательно, увеличения прибыли, они нуждались в экономической свободе, которая во многом послужила основой для еврохристианской демократии. В постколониальной Африке формирование предпринимательских слоев шло сверху, основным, а часто единственным, источником прибыли было государство. Экономическая активность стимулировалась сверху. Предпринимательские слои были порождением государства, политической власти, их неотъемлемой частью. Мелкий и средний бизнес, который в принципе должен извлекать выгоды из существования демократии, пока не сформировался как “класс себя”.

В современной Африке господствует атмосфера паразитарного стяжательства, основанного на ростовщичестве, спекулятивной торговле, открытом грабеже общества, силовой монополии. В ней гибнут любые ростки современного предпринимательства, так как оно основано на идеях умеренности, трудолюбия, нерушимости договорных обязательств, на определенных правилах и этике конкуренции. В подобной атмосфере задохнулась североитальянская мануфактура XIV в. и бюргерский капитал в Германии XV–XVI вв., именно она загубила промышленность Испании шальными деньгами, завоеванными конкистадорами в Америке, и демократию 90-х годов XX в. в России.

Африканские элиты, опираясь на вооруженные силы и/или на отдельные этнические группы, создали государство для себя, а не для общества. Государство не адекватно реальному обществу и ускоряет в нем разрушительные процессы – отрыв от почвы, традиций, цивилизации, этноса, конфессии. Отличительной чертой имитационной демократии стала возможность прихода к власти большого количества мошенников через избирательный процесс. Правящая элита оказалась неспособна защитить права человека, соблюдать равенство граждан, справедливо распределять ресурсы. Вместо этого она стремится к личному обогащению, злоупотребляет своим общественным положением, использует все возможности для сохранения своих привилегий. Африканские страны имеют все формальные признаки демократического государства, но не имеют внутренних способностей к управлению и взаимодействию с обществом.

Административное внедрение еврохристианских ценностей в традиционную политическую культуру ведет не к усилению гражданских тенденций, а, наоборот, к их

дальнейшему разрушению, поскольку деморализует общество и делает его атомизированным, пассивным и послушным любой власти. Вот почему подобный тип модернизации, навязываемый сверху, на самом деле не приближает, а удаляет Африку от демократии, не давая развиваться естественным формам общественной интеграции, совместимой с аутентичными культурно-нравственными нормами.

Не подходит для современной Африки и другая фундаментальная основа еврохристианской цивилизации – превращение представлений о добре и зле в законы и их применение в полном объеме от лица абстрактного правосудия. Традиционные представления о допустимости тех или иных деяний весьма подвижны и значительно отличаются в зависимости от региона. Например, если в Кении наказывать представителей этнической группы масаи за кражу крупного рогатого скота, то можно отправить в тюрьму всех взрослых мужчин. Они искренне полагают, что их предки пригнали на данную территорию первых быков и коров, поэтому весь крупный рогатый скот принадлежит масаи, а остальные этнические группы могут только временно пользоваться их собственностью. Другой пример. Законное наказание за колдовство широко применялось в Европе вплоть до XVIII в. Если в современной Африке изъять подобные составы преступлений из судопроизводства, то карать за подобные “правонарушения” будут сами большие человеческие коллективы. Аналогию можно провести с отношением привилегированных слоев населения к дуэлям в Европе и России, и их юридическими запретами в XVIII–XIX вв.

Считается, что при демократической системе законность власти основана на выборах. В традиционном африканском обществе она практически повсюду передавалась таким же путем, но в рамках правящей кровнородственной группы. Современная Африка сумела исказить даже структурообразующую суть самих выборов – легитимность. Речь идет о массовых фальсификациях результатов голосования, фальшивых бюллетенях, многократном голосовании, создании ложных избирательных участков и т.д. И власти, и оппозиции выгодна подобная практика. Правящей элите – чтобы “демократическим” путем сохранить власть, оппозиции – чтобы на “законных” основаниях оспорить результаты голосования.

Благодаря имитационному народовластию возникли неконституционные структуры политического руководства. Некоторые из них (канцелярия или администрация президента, группы его советников или консультантов и т.д.) порой играют в процессе принятия политических решений более важную роль, чем законные органы власти. Выдвижение на министерские посты обусловлено различными неформальными связями, но прежде всего такими, как личная преданность президенту (который часто рассматривал министров в качестве консультантов), а также соображениями клановой, этнической, религиозной принадлежности.

Всеобщее и прямое голосование в бедных странах оказывает эффект, противоположный тому, что наблюдается в богатых. Если в странах еврохристианской цивилизации выборы способствуют укреплению политической стабильности, то в Африке они усиливают уже имевшиеся ранее конфликты. Авторитарный режим обеспечивает внутренний мир благодаря регулярным профилактическим репрессиям, “демократический” – часто не способен предотвратить внутреннюю нестабильность и всплеск насилия. Это всего лишь констатация факта. Жизнь нескольких десятков или сотен людей не менее ценна, чем десятков или сотен тысяч.

В Африке, как и в любом традиционном обществе, господствующим типом межличностных отношений остаются патронатно-клиентельные. Пирамида африканского общества пронизана вертикальными связями. Именно они определяют ценность отдельных людей и человеческих коллективов и контролируют их политический, экономический и социальный статус, их поведение и образ жизни. Демократические процедуры служат фасадом патронатно-клиентельных отношений.

Связь между патроном и клиентом не обязательно должна носить только родственный, трайбалистский характер. В Африке наблюдается сосуществование различных видов патроната – этнического, конфессионального, регионального, административ-

ного и т.д. Самой важной составляющей этой связи является предоставление сторонами взаимных “услуг” друг другу, иногда в добровольно-принудительном порядке. Клиенты выполняют любые требования своих патронов, предоставляют им массовую поддержку на выборах и в повседневной жизни, хозяйственное обеспечение ритуальных событий, постоянную готовность предоставить услугу.

Наиболее характерными примерами являются канцелярия президента или правящая партия. Государственный аппарат был и остается самой большой клиентелой президента. За лояльность патрону ему обеспечивается фактическая юридическая неприкосновенность и политическая поддержка экономических интересов. В условиях неограниченной коррупции государственного аппарата чиновник вынужден выплачивать определенную “арендную плату” за занимаемую должность, чаще всего не деньгами, а услугами и созданием атмосферы поклонения патрону, во многих случаях вполне искреннего. Отсюда показные признаки почтения, постоянное цитирование его высказываний и “самостоятельные” попытки организовать продление его власти.

Клан рассматривается как нечто значительно более важное, чем входящий в него индивид. Ради интересов клана его можно принести в жертву или им можно пренебречь. Каждый индивид должен довольствоваться своим местом и хорошо выполнять свою социальную роль. Подобное “клановоориентированное поведение” проливает свет на то, почему африканцы имеют тенденцию к подчинению человеку, обладающему более высоким статусом, силой. Они готовы скорее принять строгий контроль своего поведения, уважительное отношение к традициям, законопослушание, нежели отстаивать личные интересы и притерживаться принципиальной позиции. В традиционном обществе такие понятия, как “индивидуальное сознание” и “личная свобода”, вообще не существовали, либо занимали одно из последних мест в иерархии ценностей.

Однако вопреки широко распространенному убеждению, отдельный человек не “поглощен” коллективом, не “растворен” в нем, а имеет очевидную собственную ценность. Она проистекает из идеи об уникальности не индивидуальности, а места каждой личности в группе, его незаменимости в ней. Только через общность можно было реализовать личность, и ее статус жестко закреплялся. Ведь именно этот человек – сын, брат, отец тех или иных членов коллектива, потомок определенных предков, необходимое звено в производительно-распределительной цепочке. Вне общности человек утрачивал личные качества. Особенно ценились родственные связи и социальная поддержка.

В африканской культуре быть личностью означает не проявлять индивидуальность, непохожесть на других. Исключительность человека заключается не в неповторимости его качеств и черт, а в своеобразии его социальной роли. Только в человеческом коллективе африканец может чувствовать себя по-настоящему свободным.

Вторжение современных отношений трансформировало структуру общества, но не его сознание. Африканец, поменяв сферу деятельности, покинув деревню и став рабочим, учителем, предпринимателем, не в состоянии пока полностью изменить менталитет. Работая в городе, он все равно ощущает себя членом традиционного человеческого коллектива. В работодателе он видит покровителя, патрона. Это – основная причина отсутствия за пределами зон развития современного общества⁴ каких-либо форм социального протеста. Все африканцы, несмотря на образ жизни и род занятий, сохраняют тесные контакты и связи с традиционной средой, что не может не воспроизводить патронатно-клиентельные отношения. Они подразумевают преданность группы лидеру, патрону и в то же время его обязанность делиться частью материальных благ, статуса, престижа со своими клиентами. Поведенческий стереотип в рамках подобных отношений распространяется на все человеческие коллективы.

⁴ Зоны развития современного общества в Африке включают в себя территориально-промышленные комплексы с примыкающими к ним районами, инфраструктурные объекты, товарные сельскохозяйственные предприятия, отчасти мегаполисы и крупные города.

Другой структурообразующей составляющей современного африканского общества, без которой невозможно понимание его сути, является трайбализм. Он может быть определен как психология, идеология, политическая практика преувеличения роли своей этнической группы, верность ее традиционным нормам и институтам, попытки добиться исключительного положения, привилегий и благ для нее в ущерб другим. Африканское общество позволяет его члену быть и современным, и традиционным человеком одновременно. Он может обладать степенью, полученной в Гарварде или Сорбонне, и считать себя представителем своего племени. Он может быть федеральным министром, а заботиться в первую очередь о земляках или членах своей этнической группы, тратить бюджетные деньги не на развитие страны, а на родную деревню. Враждебность современному возникает лишь тогда, когда появляется непосредственная угроза традиционным представлениям.

На основе трайбализма невозможно качественное управление государством и делами общества. Он получил такое широкое распространение в современной Африке из-за того, что перед своим уходом метрополии насильственно внедрили современные политические структуры в традиционное в своем большинстве общество. В результате стереотипы массового сознания, тесно связанные с племенными обычаями, привычным образом поведения были перенесены на государственный уровень. То, что эффективно работало на уровне племен при переходе на более масштабные пространства стало препятствием для качественного выполнения властными структурами своих функций. Трайбализм препятствует продвижению на должности людей по их деловым и личным качествам, отдавая предпочтение продвижению соплеменников. Интересы государства и общества отступают на второй план, по сравнению с установлением баланса между взаимными притязаниями в иерархии племен и кланов. Трайбализм проявляется повсюду, в действии властных структур и общественных организаций, в политической и общественной жизни, армии и полиции, экономике и культуре и т.д. В массовом сознании широко распространены этнические стереотипы, предрассудки и преубеждения.

В XXI в. трайбализм, особенно в зонах развития современного общества, начинает постепенно вытесняться национализмом – самой сильной и самой простой идеологией. Она вышла из университетов, проследовала через деревню с тем, чтобы завоевать беднейшие кварталы городов и превратиться в массовое политическое движение, претендующее на власть. Особенно силен национализм там, где значительную часть трудоспособного населения составляют выходцы из других регионов.

С трайбализмом тесно связаны аскриптивные (предписанные) связи или, иными словами, коллективизм. Минимальной ячейкой африканского общества является не индивид, а семья, клан, община и т.д. Каждый человек знает, что живет не только своей собственной жизнью, а жизнью коллектива при сохранении личного начала. Вне объединения у него не будет гарантированных средств к существованию. Африканец знает, что его жизнь есть соучастие в жизни родственников по восходящей линии и что ее сохранение и укрепление зависит от этого. Гарантию своей защищенности африканец связывает не с законом и государством, а со своей принадлежностью к определенной общности.

Самоценность человека ниже самоценности группы, к которой он принадлежит. Вес и влияние личности определяет прежде всего коллектив, положение в сети социальных связей – число и статус индивидов, с которыми этот человек связан узами родства, свойства. Добавляются и современные характеристики: работа, собственность, проживание, питание и т.д. Власть группы выражается через общественное мнение. Она может быть сакрализована. Общественное мнение одновременно призвано способствовать снятию конфликтов между возрастными группами, полами и поколениями, так как обеспечивает выполнение обязательств по отношению друг к другу и группы по отношению к личности.

Сохранению аскриптивных связей способствуют технические инновации. Современная транспортная инфраструктура, связь позволяют поддерживать контакты с

группой на любом расстоянии, участвовать во всех важных событиях своего коллектива. Мигрант регулярно посылает деньги домой, выполняя тем самым обязанности родственной взаимопомощи. Средства, собранные в землячестве, отправляются на родину для строительства дорог, школ, больниц и т.д. Оно же берет на себя заботу о сохранении и поддержании общины, своих безработных и низкооплачиваемых. Община поставляет молодежь, а отработавшие свой срок люди туда возвращаются. Иногда на родину отсылают тех, кто может опозорить землячество, принести дурную славу – инвалидов, преступников, проституток. К сохранению традиционного почтения к старшим и знатным по рождению добавляются экономически или политически состоявшиеся люди. Аскриптивные связи помогают приспособиться к новым условиям и продолжать перераспределять доход от преуспевающих в современной экономике к менее удачливым членам коллектива.

Африканская урбанизация имеет характерную особенность. Рост городов здесь не стал естественным результатом экономического развития, в первую очередь индустриализации, не имел адекватного материального базиса. Классическая урбанизация сопровождается повышением дохода на душу населения, африканская – сокращением. Численность городского населения увеличивается в условиях не только низких, но нередко и нулевых темпов экономического роста. Миграция из села, дополненная одновременным притоком мигрантов из соседних и не только стран, формирует не обеспеченное фондом средств существования и ресурсами городское население. Хозяйственный застой не сдерживает темпы урбанизации. Возникли мегаполисы – Даккар, Киншаса, Лагос, Найроби, Хартум и др. На крупные города приходится две трети всего городского населения. В африканских мегаполисах практически отсутствует феномен субурбанизации⁵.

В городах концентрируются массы трудоспособного населения, невостребованного их экономикой. Происходит разрыв между абсолютным увеличением городского населения и его реальным включением в современный образ жизни, или “псевдоурбанизация”. Сельская нищета переливается в города, происходит маргинализация значительной части населения. Большинство мигрантов слабо и медленно адаптируются к новым условиям повседневного бытия. Армию лишних людей пополняют молодые дипломированные специалисты.

В зонах развития современного общества община трансформируется в землячество, а аскриптивные связи не исчезают, как это было в свое время в Европе, а видоизменяются. Большая часть жизни все равно проходит в замкнутой среде – поселение по принципу гетто, работа среди своих, прохождение основных этапов жизненного цикла в своей среде. К прежним аскриптивным символам статуса по рождению и принадлежности к группе добавляются критерии в новых формах деятельности, прежде всего в торговой, хозяйственной, финансовой.

Ответом горожанина на вызов новой для него среды становятся различные ассоциации. В любом городе их насчитываются десятки, в мегаполисах – сотни. Для них характерна солидарность, основанная на сознании этнической или конфессиональной общности. Землячества – это организации мигрантов, объединяющихся по принципу происхождения из одной местности. Они обеспечивают социализацию вчерашнего общинника в городских условиях. В землячестве мигрант получает материальную и моральную поддержку на основе принципа взаимопомощи. Минимальной ячейкой землячества является не община или семья, а работающие на одном предприятии, рынке, проживающие в одном квартале, доме и т.д. Состоятельная прослойка членов землячеств активно использует их в политической борьбе.

Новой для Африки формой самоорганизации человеческих коллективов в мегаполисах стали объединения проживающих в одном или нескольких кварталах людей или

⁵ Массовое строительство частных домов в пригородах, жители которых избегают загрязнения воздуха, недостатка зелени, шума и т.д. Однако они практически все продолжают работать в городе.

“псевдородство”. Люди становятся единым целым в независимости от их этноконфессиональной или региональной/государственной принадлежности. Жители подобных объединений рассматривают друг друга не как соседи, а как близкие родственники. Возникшее на основе псевдородства товарищество зависит от индивидуальной воли его участников (следующее поколение наследует членство от родителей или, по крайней мере, требует их одобрения), предполагает комплекс взаимных обязательств, прежде всего по оказанию материальной или моральной помощи. В некоторых подобных коллективах появилась система сексуальных и брачных ограничений. Все находящееся на “их территории”, включая землю, магазины, общественные постройки они рассматривают как свою собственность, на пользование которой (даже если речь идет о фотографии) чужие должны получать разрешение.

Современный международный терроризм в определенной степени является порождением псевдоурбанизации. Крупные агломерации предоставляют как богатый социальный материал (молодые люди с нестабильным экономическим положением и растущими потребностями), так и технические возможности (Интернет, концентрация всех видов ресурсов на небольшой территории).

Следствием роста населения, миграций и псевдоурбанизации стало повсеместное распространение, прежде всего в городах, неформальной экономики (НЭ), иногда ее называют негативной, серой, теневой. Она – сложная саморазвивающаяся система хозяйственных отношений, действующая вопреки законодательству. Термин “неформальная экономика” был введен в начале 70-х годов XX в. английским антропологом Кейтом Хартом. Во время полевых исследований в Гане и Кении он доказал, что значительная часть горожан практически не связана с официальной экономикой. В начале постколониального периода теория модернизации предсказывала, что традиционный сектор экономики в африканских странах исчезнет. Этого не произошло, более того, такая деятельность даже расширилась, вобрала в себя и освоила новые технологии, будучи более конкурентоспособной в некоторых видах деятельности.

Неформальная экономика – стихийная и творческая реакция народа на неспособность государства удовлетворять потребности обнищавших масс. Точно определить входящие в НЭ виды деятельности невозможно, различаются две основные группы: легитимная и нелегальная деятельность. К первой относятся не учитываемые официальными органами виды деятельности. Примером могут служить ремонтные и строительные работы, пошив одежды и обуви, уборка помещений и т.д., которые осуществляются в рамках родственных, натуральных и других отношений. Сюда же входит легальная хозяйственная деятельность, использующая недостатки в законодательстве или особенности функционирования хозяйственного механизма. Ко второй группе относятся виды деятельности, не соответствующие действующему законодательству (уход от налогов, скрытая занятость, нелегальное предпринимательство и т.д.). К НЭ примыкает, а иногда смыкается с ней, и так называемый серый, т.е. не регистрируемый официальной статистикой, бизнес на легальных предприятиях (например, выпуск неучтенных алкогольных напитков, подделка всемирно известных брендов, незаконное копирование промышленных изделий). Не прослеживается прямой зависимости между размерами предприятий и их приверженностью к НЭ.

Ее отличие от общеуголовной преступности выражается прежде всего в масштабах и системности деяний. Как правило, в НЭ вовлекается значительное число людей, находящийся в социальной структуре общества и не противопоставляющих себя большому человеческому коллективу.

Неформальная экономика в Африке живет и управляется по законам двойной логики: одна – рыночная, другая – социокультурная, укорененная в семейных, этнических, коммуналистских и религиозных отношениях. Две противоположные системы жизни иногда вступают в конфликт, иногда образуют симбиоз, так что субъекты НЭ живут в двойственной и неустойчивой ситуации. Наличие нескольких логик поведения не позволяет сводить деятельность НЭ к простому расчету рентабельности вложенного капитала или максимизации прибыли. Отличие африканской НЭ от общемировой пре-

жде всего заключается в том, что на Черном континенте она стала структурообразующим элементом общества. Она не находится на “экономической периферии”, как в развитых и во многих быстроразвивающихся странах.

К началу нового тысячелетия в Африке практически не осталось отраслей производства и, соответственно, видов профессиональной деятельности, не вовлеченных в той или иной степени в неформальную экономику. Так, в подготовленном в ООН докладе речь идет уже не только о налаживании связей НЭ с формальной, но и об их интеграции.

Принципиальное значение имеет получившее почти повсеместное распространение и глубоко укоренившееся у простого человека нежелание и неумение трудиться, отсутствие профессионального отношения к делу. Как следствие, наблюдается низкий уровень квалификации, отсутствие личной и коллективной ответственности за результат своей деятельности, а также сведение трудовой мотивации у большинства работающих к элементарному физическому выживанию. Например, первый пункт Кодекса бригад социалистического труда одного из крупных государственных предприятий Республики Мали в начале 1960-х годов – приходиться на завод каждый день, по возможности не опаздывать. Данные особенности влияют на отношение к власти, государству, обществу, правопорядку.

Современные африканские представления о лидере вносят свой существенный вклад в формирование и функционирование имитационной демократии. Правитель воспринимался в традиционном обществе как происходивший от Бога или получивший от него особую сверхъестественную силу. Он был тесно связан с предками, различными духами и являлся посредником между ними и живыми людьми. От правителя зависело благополучие всего подчиненного ему человеческого коллектива. Без него обществу грозил распад и хаос. На верховного правителя не распространялись законы, которым обычно следуют люди.

Для обретения авторитета использовались аномальные поведенческие модели, которые закладывались в ритуалах, особенно при инаугурации. В свою очередь, они соответствующим образом организовывали психику лидера, порождая в нем убежденность в избранности и формируя тем самым установку на легитимное насилие. Например, людоедство дозволялось только вождям и традиционной знати. Даже в формулу повседневного приветствия закладывались противоречащие здравому смыслу формулировки. Зулусского вождя приветствовали фразой: “Ты, глава рода, клана, ты – кто поедает людей, убив их и отняв все имущество”. Указания правителя не обсуждались, а исполнялись. Он являлся не только хозяином всей земли, всего имущества проживающих на его территории людей, но и был властен над их жизнью и смертью.

Для современной Африки характерен лидер, опирающийся на родовые, клановые, этноконфессиональные связи и отношения и стремящийся использовать их в своих корыстных целях в политической и социально-экономической сферах. Руководителями получавших независимость государств становились выходцы из традиционных правящих семей различного уровня. Бывшие и нынешние лидеры были и остаются плотью и кровью того африканского общества, которое сохраняется на континенте. Особое значение имеет персонификация власти африканских лидеров.

Для традиционалистского электората не имеет значение партийная принадлежность правителя, а главное – его личные характеристики, связь со своим народом или этнической группой, хотя каждый из них декларирует свою приверженность общегосударственным интересам. Власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса. Традиция подчинения лидерам для африканца является нормой общественного поведения и сознания. Политическая борьба сконцентрирована на проблемах авторитета, влияния и конкретных политических деятелях, но не на альтернативных политических курсах. В последние годы на одно из ведущих мест выходит наличие богатства, капитала. Политический успех уготован тем, кто имеет больше денег, более высокий социально-экономический статус и диплом престижного университета.

В африканских государствах велика роль харизматических лидеров. Харизма не требует ни длительного времени для своего формирования, ни рационального набора общепризнанных норм. Одновременно лидер узаконивает новое светское правление, наделяя его даром свой благодати.

В африканских странах возникает новый тип правления, в котором харизматические элементы присущи самому институту власти или статусу и не зависят от персональных черт правителя. Харизму порождают не столько личные качества, сколько руководимые ими большие человеческие коллективы, чувствующие себя беззащитными без вождя, без добровольного подчинения его уму и воле. Возникает потребность в лидере, готовом взять на себя ответственность за происходящее в стране. Такого правителя большие человеческие коллективы наделяют неограниченной властью, поклоняются ему, доходя в этом порой до абсурдного культа.

Харизматические лидеры выполняют своеобразные коммуникативные функции в условиях отсутствия системы социального представительства между населением и сферой принятия политических решений. В результате появилось такое явление как персонификация власти. Будучи главами государств, руководителями правящих партий, идеологами, лидеры получают больше полномочий. В них переплетается авторитет власти и авторитет личности, щедро наделяемый традиционными представлениями о вожде. Президент – не только высшее должностное лицо, но и олицетворение государства, нации, ее достижений. Одним из механизмов харизматизации власти верховного руководителя является стремление установить генеалогические и духовные связи с наиболее почитаемым традиционным правителем, предком, знаковым историческим деятелем, мифическим персонажем, структурообразующим для данного большого человеческого коллектива событием в прошлом и т.д.

Восприятие лидера, его сверхъестественных свойств осуществляется в тесной связи со “словом”, т.е. его титулом. Широко практикуется присвоение президентом близких к традиционной геральдической символике титулов. Часто это осуществляется официально и закрепляется в соответствующих правовых документах. Например, “наш ясновидящий руководитель”, “вождь вождей”, “герой и воин”. Лидер обязан учитывать адекватные для данного общества формы восприятия власти.

Важным элементом политической культуры африканских государств является бесчисленное тиражирование портретов и монументов лидера. Для африканца изображение его правителя несет в себе частицу его самого, всегда обладающего признаками сакральности. Тем самым обладателям изображения правителя как бы делегируется часть сверхъестественной силы (власти), присущей верховному политическому лидеру. Смена власти связывается в сознании африканца прежде всего со сменой конкретного правителя, предполагает уничтожение изображений, так как они лишились сверхъестественного действия.

Африканский лидер не может не считаться с уровнем развития возглавляемого им общества. Персонализация политических проблем была обусловлена политической культурой освободившихся стран. Политическая борьба должна была неизбежно принять характер борьбы между личностями, так как неграмотным и лишенным политического опыта массам лидер был ближе и понятнее, чем его программа действий. Сакрализация политического лидера, представления о нем как о всемогущем, всезнающем и прозорливом вожде, ниспосланным провидением и призванном определять судьбы нации, связь физической силы и половой потенции с легитимностью власти в известной мере все еще свойственны политическому сознанию африканских больших человеческих коллективов. Не следует, однако, преувеличивать значение этого обстоятельства. Мистический ореол значительно потускнел.

Легитимизация власти часто проходит через дискредитацию предшественника. На этот феномен оказывает влияние нежелание и значительной части интеллектуальной элиты, и больших человеческих коллективов признавать непрерывность развития Черного континента – доколониальной, колониальной и постколониальной истории. Каж-

дый новый этап они предпочитают рассматривать с “чистого листа”, вне зависимости от предыдущего.

Африканские правители используют различные пути ради победы на выборах кроме самого, казалось бы, логичного – попытаться осуществлять хорошее руководство. В странах еврохристианской цивилизации переизбрание главы государства на новый срок происходит менее, чем в половине случаев. В Африке, несмотря на то, что избиратели там имеют значительно больше причин для недовольства, этот показатель достигает 75%.

В странах Африки руководитель государства выдвигается правящей группой, и именно она оценивает его успешность. Лидер, какими бы личными данными и какой харизмой он не обладал, был бы бессилён руководить без опоры на элиту. Чтобы избежать политологических дискуссий, я буду исходить из самого общего определения – “узкий круг людей, участвующих в принятии решений”.

Современная элита в Африке возникла не в результате процесса естественной эволюции, а как одно из последствий создания колониального общества. Она не является олицетворением и носителем национальной культуры, а следует стандартам еврохристианской или исламской цивилизации и стала их проводником. Элита восприняла чужой язык, чужие обычаи и нравы, чужие идейные воззрения и пытается приспособить все это к местным условиям. Она использует свое привилегированное положение, экономические и финансовые ресурсы, разжигает этнические противоречия, успешно манипулирует массами, мобилизуя их на укрепление своих собственных позиций. Провоцируемая элитой напряженность заставляет человеческие коллективы, особенно в сельской местности, укреплять общинную и клановую солидарность. Только когда его соплеменники находятся у власти, простой африканец чувствует себя в безопасности и может рассчитывать на получение больших жизненных благ.

Правящие элиты более заинтересованы в сохранении личной власти, чем в соблюдении демократических принципов. Они не упускают бразды правления из своих рук, так как борьба идет преимущественно в рамках одной и той же группы претендентов (гражданских или военных), которая предпочитает личное обогащение политике, направленной на удовлетворение потребностей большинства населения.

Правящая элита стремится к созданию своей материальной базы, вне зависимости от модели политического развития. Для нее характерны алчность, коррупция, массовые нарушения прав человека и безнаказанное совершение самых различных преступлений. Правящая элита извлекает прибыль из государственного сектора и одновременно ставит под свой контроль частное предпринимательство. Сращивание властных кругов с национальным (в том числе теневым), а при возможности и с иностранным капиталом позволяет ей осуществлять контроль над внутренним хозяйственным комплексом и внешними экономическими связями. Могущество политической элиты имеет, как правило, деструктивный характер, поскольку ориентируется на потребление или торгово-спекулятивную деятельность. Присваиваемые ресурсы не инвестируются в производственные отрасли, а переводятся в западные банки, вкладываются в недвижимость или идут на приобретение предметов престижного потребления. Африканские элиты умеют хорошо распределять деньги и очень плохо зарабатывать их для государства и общества. Кроме того, во многих африканских странах правящая элита не способна обеспечить личную безопасность своим гражданам. В результате государство не в состоянии обеспечить право на жизнь, монополию на легальное насилие.

Элита использует государственные структуры как инструмент для консолидации капитала в руках высокопоставленных чиновников или политиков. При этом, отдельные действия, квалифицируемые в развитых странах как преступления, во многих африканских странах имеют под собой легальную основу. Так, в Уганде политическим лидерам позволяется почти неограниченно использовать государственные ресурсы или средства, которыми располагает непосредственно возглавляемое ими учреждение, во время предвыборной кампании.

В Африке отсутствует еще одна важная составляющая еврохристианского государства – бюрократия. В классическом веберовском варианте она имеет следующие черты: служащий лично свободен и подчиняется руководству только в рамках должностных обязанностей; она организована в прозрачно структурированную иерархию; для каждой должности существует четко обозначенная в правовом отношении сфера компетенции; должность занимается на основе свободных контрактных отношений; фиксированная зарплата; служба в должности – основное занятие; постоянный контроль за исполнением служебных обязанностей. Для современных африканских чиновников как особой прослойки общества не характерна ни одна из вышеперечисленных характеристик. Отсутствие бюрократии – одна из основных причин плохой управляемости государством.

Для африканского чиновничества характерна пожизненная административная карьера, закрытость, порождающая корпоративность, предрасположенную к коррупции и круговой поруке. Оно стремится занять ведущее место в обществе, ограничить влияние других сил. Особенно усиливается эта тенденция в авторитарном государстве. Чтобы установить контакты с африканским чиновником недостаточно вручить ему подарок-взятку. Обезличенные контакты часто не имеют никакой ценности и могут привести к противоположным результатам. Сначала надо познакомиться с африканским чиновником, побывать у него дома, пообщаться с семьей, пригласить к себе. Затем необходимо поучаствовать в религиозной, традиционной или клановой церемонии (во время которой индивидуальное решение отдельного человека превращается в коллективное) и только после этого зарождается доверие и можно приступать к даче подарка-взятки.

Смена поколений политиков происходит очень часто через чистки или физическое уничтожение. Новая задача требует новой структуры власти, а она невозможна при старой команде. Еврохристианские механизмы естественной смены элит в Африке практически не работают.

В Африке существуют параллельные политические властные структуры – клановые лидеры, традиционные вожди, старые и новые религиозные группы, этнические, расовые и региональные объединения. Как центры контроля регуляции и распределения экономических ресурсов они разными способами конкурируют с государством. Зачастую параллельные структуры эффективнее воздействуют на своих приверженцев, чем официальные власти. Деревенские и окружные традиционные правители остаются весьма влиятельными фигурами на своих уровнях. Например, их невозможно обойти даже крупным зарубежным добывающим компаниям, имеющим разрешение от федеральных властей.

Если в Европе возникновение политических партий связано с распространением всеобщего избирательного права и расширением полномочий парламента, то в Африке оно было обусловлено подъемом антиколониального движения, отказом от вооруженной борьбы за освобождение. Название партии, за редким исключением, не дает никакой информации о составе, характере и ее деятельности. Формальные атрибуты – съезды, конференции и т.д. в большинстве случаев почти не влияют на процесс принятия решений. Африканские политические партии действуют на почве личных интересов своего руководителя, а не в соответствии с программой и уставом. Их варианты на европейском и местном языках могут иметь существенные различия. Среди членов партии доминирует не индивидуальный выбор, а клановая дисциплина. Если лидер меняет свою политическую ориентацию, то это приводит к массовому изменению характера голосования всей группы. Поэтому тактика партий – привлечь на свою сторону как можно больше глав кланов и объединений всех типов. Индивидуальное участие в политическом процессе оказывается в принципе нереальным. Приобщение личности к ресурсам власти возможно исключительно в рамках группового членства. Даже те партии, которые в своей практической деятельности опирались на широкие народные массы, после прихода к власти приобретали вождистский характер.

Клановый, этноконфессиональный, региональный характер партийных структур вне зависимости от официальных принципов их деятельности, личных взглядов лидеров и т.д. неизбежно превращает их в один из элементов имитационной демократии. Хотя, вполне возможно, что еврохристианские партии – лишь конкретно-исторические проявления политической организации и борьбы за власть – со временем наполнятся новым содержанием или же исчезнут, уступив место иным формам.

После обретения независимости почти повсеместно исполнительная и законодательная власти вступили в конфликт. И это противостояние по всей Африке закончилось поражением парламента, он деградировал и превратился в придаток всемогущей исполнительной власти. В большинстве своем парламента лишены реальных властных полномочий. Они рассматриваются как инструмент легитимизации решений исполнительной власти. Наиболее широко используемым аргументом является утверждение, что в условиях кризиса, когда на первый план выступают экономические проблемы, парламента не обладает достаточным опытом для их решения.

К числу приоритетов парламента в еврохристианской цивилизации относятся: принятие законов государства; утверждение бюджета; участие в образовании других государственных органов и контроль над их деятельностью. От того, в какой степени представительный орган может влиять на решение этих ключевых вопросов государственной политики, зависит и роль парламента. В Африке он лишь формально обладает правом законодательной инициативы. На деле все важные законопроекты поступают из органов исполнительной власти, а депутаты лишь послушно голосуют за них. Главное назначение парламента состоит в оформлении и легитимизации решений правящей политической группировки, которая строго контролирует и отбирает состав депутатов с тем, чтобы исключить всякую возможность оппозиции с их стороны. Любой законопроект, противоречащий позициям главы государства и правительства, не имеет шансов быть принятым. Например, в Сенегале парламента называют “палатой аплодисментов”. В ряде стран даже конституционно закреплено изъятие из прерогатив законодательной власти важнейших государственных вопросов (например, внешняя и внутренняя политика, оборона).

Депутаты имеют мало возможностей воздействовать и на бюджет. Для этого необходимо обладать всем объемом финансово-экономической информации, которая находится в распоряжении правительства. Рядовые парламентарии, как правило, полностью отстранены от предварительной работы над проектом бюджета, а их участие в его обсуждении обычно сводится к общей оценке доходной и расходной частей и их перераспределению. Но и здесь решающая роль принадлежит главе государства, который окончательно подписывает закон о государственном бюджете. Контроль над деятельностью правительства почти повсеместно – чисто формальный, так как парламента его не формирует.

Помимо зависимости от исполнительной власти, на депутатов оказывает влияние материальный фактор. Например, зарплата габонских парламентариев много выше, чем у членов британской палаты общин. В результате заработки депутатов в десятки, а то и в сотни раз превышают доходы основной массы населения. Кроме того, законодательство, как правило, не ограничивает предпринимательской деятельности парламентариев. Это используется частными фирмами, чаще всего иностранными, для подкупа народных избранников путем предоставления им руководящих постов с соответствующим окладом. Угроза возможного досрочного роспуска законодательного органа с автоматическим лишением депутатов неприкосновенности и возможностью применения к ним репрессивных мер делает их послушными исполнительной власти. Члены парламента в ряде государств не имеют парламентарского иммунитета.

Большинство депутатов рассматривают свою работу как возможность быстрого обогащения, поэтому коррупция пронизывает все их действия. Широко распространены продажа мандатов (в том числе и криминальным элементам), торговля долж-

ностями (чаще на местном и региональном, реже на федеральном уровнях), покупка голосов парламентариев, их переход из одной фракции в другую.

Можно провести любопытные аналогии между современной Африкой и Англией. Каждому прогрессивному и разумному человеку времен революции XVII в. было ясно, что парламент – это атавизм, пережиток средневековья, за который цепляется Кромвель с целью узаконить режим личной власти. Когда в правление Карла II в английском парламенте рассматривалось предложение об обложении налогами актеров, оно было отклонено под тем предлогом, что они служат королю. “Актеры или актрисы?” – неосторожно пошутил парламентарий, за что ему был отрезан нос.

Африканские армии значительно отличаются от своих еврохристианских аналогов. Если их основная задача – защита суверенитета и территориальной целостности государства, то основная цель подавляющего большинства армий Черного континента заключается в подавлении массовых выступлений жителей и поддержании общественного порядка. Поэтому они комплектуются из национальных меньшинств, либо из жителей отдаленных и отсталых районов.

Гражданские правительства вынуждены считаться с мнением командования вооруженных сил и настроением солдатских масс. Нередко армия оказывала скрытое или явное воздействие на властные структуры. По требованию военного руководства заменялся состав правительства, вносились поправки в конституцию, корректировался национальный бюджет и т.д. Армия пыталась встать над обществом и государством. Этому служила широко распространенная в африканских странах концепция “армия – арбитр”. Основной ее тезис сводится к тому, что вооруженные силы не должны быть слепым орудием в руках гражданской власти, а призваны защищать “высшие интересы”. Более того, армия не только имела право на свержение законного правительства, политика которого, по ее мнению, не отвечала национальным интересам, это была ее моральная обязанность. Только в нескольких африканских государствах генералитет и офицерский корпус придерживается принципа развитых стран мира: “армия – вне политики”.

Немаловажную роль в становлении и функционировании имитационной демократии играет менталитет африканцев. Он во многих своих аспектах не соответствует основным критериям еврохристианской цивилизации. Сохранился подход, характерный для традиционного общества, по которому все права и обязанности неукоснительно исполняются только в своем человеческом коллективе.

Другая характерная особенность африканского менталитета – вера в колдовство. Обращение к сверхъестественным силам – обычная практика, свойственная жизни африканских стран. Социологические опросы показывают, что приблизительно две трети респондентов в разных референтных группах верят в колдовство, а около половины принимают возможность магической угрозы против себя. Время от времени в независимых африканских государствах даже возникали “общественно-политические” движения по борьбе с колдунами, деятельность которых сопровождалась уничтожением “злодеев”. В 2009 г. в Гамбии подобная инициатива исходила от президента. Кажется почти неправдоподобным, что верования в сверхъестественные силы распространены не только в низших слоях населения, но и среди части научной, интеллектуальной и политической элиты, являясь структурообразующими категориями сознания. Стремление многих политиков заручиться поддержкой колдунов ради упрочения собственной власти в последние десятилетия только усиливается.

Колдовство отвечает на те вопросы, которыми еврохристианская наука даже не задается. Наука изучает, как происходит данный процесс, например протекание болезни, в то время как колдовство объясняет, почему этот процесс вообще имеет место или же почему болеет один человек, а не другой. Веру в колдовство очень трудно разрушить, потому что она способна объяснить необъяснимое и соединить явно противоречивые данные в целостную картину. Такая функция определяет важнейшую роль колдовства в системе представлений африканцев, а также его распространение и особую приспособляемость к современному еврохристианскому образу жизни.

Африканец воспринимает колдовство не как сверхъестественное явление, а как что-то обыденное, ежедневно встречающееся. Там, где мы говорим об успехах или неудачах, о здоровье и болезнях, о проблемах на работе или житейских трудностях, африканец обязательно вспомнит о колдовстве. Оно представляет собой совершенно обыденный фактор, с которым можно связать практически любое событие. В нас не происходит никакой психологической трансформации, когда мы слышим, что кто-то болен, так как известно, что люди могут болеть. Точно так же обстоит дело у африканцев. Им известно, что человек околдован, и здесь нет повода для удивления.

Вера в колдовство никоим образом не противоречит эмпирическому знанию причин и следствий. Мир, воспринимаемый органами чувств, для африканца столь же реален, как и для нас. Например, если он говорит, что человек был убит колдовством, это не значит, что он не обращает внимания на вторичные причины, в частности болезнь. Вера в смерть от естественных причин и в смерть от колдовства не исключает одна другую. Мы говорим, что инфаркт спровоцировал стресс, неприятности дома или на работе, вредные привычки и неправильное питание, африканец персонифицирует их. Он налагает колдовство на эти причины и тем самым дает социальным событиям их материальную оценку.

Однако существует много ситуаций, где избирается естественная, а не мистическая причина. Если кто-то лжет, занимается прелюбодеянием, крадет, убивает в драке другого человека, то это – не колдовство. Оно не считается причиной поступка, когда речь идет о нарушении запрета. Если ребенок умер, а известно, что родители вступили в половую связь до того, как он был отнят от груди, вопрос о колдовстве даже не поднимается: он скончался из-за нарушения отцом и матерью запрета. Часто могут быть расхождения в определении причины. Например, если у гончара растрескалась в огне партия изделий, то причиной помимо колдовства и нарушения запретов может быть плохая работа. Каждый имеет право на собственное мнение в рамках общепринятого в данном коллективе.

Концепция колдовства несовместима с еврохристианским способом мышления. Одновременно она является эффективным механизмом регулирования социальных отношений. Чаще всего колдунами оказываются люди, нарушающие общепринятые правила поведения, те, для кого характерны зависть, клевета, скупость, мелочность, злобный нрав. Подозревают в колдовстве и тех, кто боится откровенного разговора, мрачных и сварливых, страдающих каким-либо физическим уродством или получивших увечья, кто обнаруживает скверные привычки и невоспитанность. Практически любой человек, за редким исключением, может быть подозреваемым в колдовстве. Поэтому колдуны не подвергаются остракизму и гонениям, подобно преступникам в нашем обществе. Вера в колдовство является важным регулятором социальных и межличностных отношений в африканском обществе.

Во многих странах континента насилие над врагом, т.е. представителями другой этнической группы или конфессии, считается допустимым, а зачастую даже приветствуется. Широко распространено сексуальное насилие, причины которого непонятны для людей еврохристианской цивилизации. Многие африканские человеческие коллективы считают, что солдат сможет сохранить жизнь на войне только после насилия над женщиной. Продолжают сохраняться суеверия, оставшиеся от доколониальных времен, например, пули, превращающиеся в воду после выполнения определенных магических церемоний и запретов. Последние известные мне случаи зафиксированы уже в XXI в. в дельте Нигера и на востоке Демократической Республики Конго. Но появляются и в кратчайшее время благодаря новым информационным технологиям распространяются по всему континенту новые суеверия. Якобы, чтобы излечиться от СПИДа необходимо вступить в половой контакт с ребенком, желательно инвалидом (в разных странах могут быть вариации).

Африканские общества, адаптируясь к нововведениям и осваивая инокультурные инновации, как бы пропускают каждое нововведение через традиционную систему норм и ценностей, трансформируют его, наполняют своим самобытным содержанием.

Результатом является асинхронность освоения инокультурных политических структур и ценностей, несоответствие функционального предназначения ряда современных институтов их реальному содержанию в африканских реалиях.

Не столько либеральные ценности сами по себе, сколько способ их внедрения и наложения на иное цивилизационное пространство порождает безнравственность, ведет к деградации общества и прокладывает путь авторитаризму. В этом смысле прямой экспорт западных либеральных ценностей через навязывание основанных на них политических институтов объективно ведет не к универсализации ценностей демократии, а разлагает большие человеческие коллективы. Для успешного реформирования Африки необходимо внимательно изучить, какие принципы являются базовыми для той или иной культуры, и дать им возможность свободно развиваться в русле мировых тенденций.

В слаженно работающих моделях еврохристианского общества, его основные составляющие – политика, экономика, наука, культура, образование – отлажены таким образом, что реагируют с помощью инноваций на возникающие проблемы, сглаживая и смягчая появляющиеся элементы социального кризиса, и одновременно создают новые возможности для развития. При этом важна не сама институциональная форма, а сущность деятельности институтов. Попытки привнесения внешних проявлений еврохристианской цивилизации бессмысленно, если этим институтам не придаются их базовые функции.

Вера в то, что политические, экономические, социальные и т.д. институты и структуры еврохристианской цивилизации способны изменить мир к лучшему, соперничает по своей распространенности с основными мировыми религиями. Многие уверовали в универсальность демократических процедур, как африканцы в колдовство и магию. Можно провести аналогию между христианством в античном мире и демократией в современном. Варварская периферия видела в новой религии ту силу, которая делала позднюю Римскую империю или Византию более приспособленной для комфортного проживания традиционной знати. Это было одной из причин принятия христианства верхушкой варварского общества. Основная масса населения еще длительное время сопротивлялась новой религии. Так и демократия в современной Африке и причины ее популярности на начальном этапе ее распространения. Независимости оказалось недостаточно для счастливой и безбедной жизни; добавим “демократии” – и все будет хорошо. Один из западных политологов назвал происходящее в Африке “Democrazy” – “демоидиотизмом”. С моей точки зрения, демократия сможет прижиться в Африке только в том случае, если подавляющее большинство населения примет базовые основы еврохристианской цивилизации.